

Анна Ахматова

Реквием (1935-1940)

Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл, -
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, б

Вместо предисловия

В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то "опознал" меня. Тогда стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда в жизни не слыхала моего имени, очнулась от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):

- А это вы можете описать?

И я сказала:

- Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом.

1 апреля 1957

Ленинград

Посвящение

Перед этим горем гнутся горы,
Не течет великая река,
Но крепки тюремные затворы,
А за ними "каторжные норы"
И смертельная тоска.
Для кого-то веет ветер свежий,
Для кого-то нежится закат -
Мы не знаем, мы повсюду те же,
Слышим лишь ключей постылый скрежет
Да шаги тяжелые солдат.
Подымались как к обедне ранней.
По столице одичалой шли,
Там встречались, мертвых бездыханней,
Солнце ниже и Нева туманней,
А надежда все поет вдали.
Приговор... И сразу слезы хлынут,

Ото всех уже отделена,
Словно с болью жизнь из сердца вынут,
Словно грубо навзничь опрокинут,
Но идет... Шатается... Одна...
Где теперь невольные подруги
Двух моих осатанелых лет?
Что им чудится в сибирской вьюге,
Что мерещится им в лунном круге?
Им я шлю прощальный мой привет.
Март 1940

Вступление

Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском болтался
Возле тюрем своих Ленинград.
И когда, обезумев от муки,
Шли уже осужденных полки,
И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки.
Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных марусь.

I

Уводили тебя на рассвете,
За тобой, как на выносе, шла,
В темной горнице плакали дети,
У божницы свеча оплыла.
На губах твоих холод иконки.
Смертный пот на челе... не забыть!
Буду я, как стрелецкие женки,
Под кремлевскими башнями выть.
1935

II

Тихо льется тихий Дон,
Желтый месяц входит в дом.
Входит в шапке набекрень -
Видит желтый месяц тень.

Эта женщина больна,
Эта женщина одна,
Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне.

III

Нет, это не я, это кто-то другой страдает.
Я бы так не могла, а то, что случилось,
Пусть черные сукна покроют,
И пусть унесут фонари.
Ночь.

IV

Показать бы тебе, насмешнице
И любимице всех друзей,
Царскосельской веселой грешнице,
Что случилось с жизнью твоей.
Как трехсотая, с передачею,
Под Крестами будешь стоять
И своей слезою горячею
Новогодний лед прожигать.
Там тюремный тополь качается,
И ни звука. А сколько там
Неповинных жизней кончается...
1938

V

Семнадцать месяцев кричу,
Зову тебя домой.
Кидалась в ноги палачу -
Ты сын и ужас мой.
Все перепуталось навек,
И мне не разобрать
Теперь, кто зверь, кто человек,
И долго ль казни ждать.
И только пышные цветы,
И звон кадельный, и следы
Куда-то в никуда.
И прямо мне в глаза глядит
И скорой гибелью грозит
Огромная звезда.
1939

VI

Легкие летят недели,
Что случилось, не пойму.
Как тебе, сынок, в тюрьму
Ночи белые глядели,
Как они опять глядят
Ястребиным жарким оком,
О твоём кресте высоком
И о смерти говорят.
1939

VII

Приговор

И упало каменное слово
На мою ещё живую грудь.
Ничего, ведь я была готова,
Справлюсь с этим как-нибудь.

У меня сегодня много дела:
Надо память до конца убить,
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить.

А не то... Горячий шелест лета,
Словно праздник за моим окном.
Я давно предчувствовала этот
Светлый день и опустелый дом.
Лето 1939. Фонтанный Дом

VIII

К смерти

Ты все равно придешь. - Зачем же не теперь?
Я жду тебя - мне очень трудно.
Я потушила свет и отворила дверь
Тебе, такой простой и чудной.
Прими для этого какой угодно вид,
Ворвись отравленным снарядом
Иль с гирькой подкрадись, как опытный бандит,
Иль отрави тифозным чадом,
Иль сказочкой, придуманной тобой
И всем до тошноты знакомой, -

Чтоб я увидела верх шапки голубой
И бледного от страха управдома.
Мне все равно теперь. Струится Енисей,
Звезда полярная сияет.
И синий блеск возлюбленных очей
Последний ужас застигает.
19 августа 1939
Фонтанный Дом

IX

Уже безумие крылом
Души накрыло половину,
И поит огненным вином
И манит в черную долину.

И поняла я, что ему
Должна я уступить победу,
Прислушиваясь к своему
Уже как бы чужому бреду.

И не позволит ничего
Оно мне унести с собою
(Как ни упрашивай его
И как ни докучай мольбою):

Ни сына страшные глаза -
Окаменелое страданье,
Ни день, когда пришла гроза,
Ни час тюремного свиданья,

Ни милую прохладу рук,
Ни лип взволнованные тени,
Ни отдаленный легкий звук --
Слова последних утешений.
4 мая 1940

X

Распятие

*"Не рыдай Мене, Мати,
во гробе зрящи".*

1

Хор ангелов великий час восславил,

И небеса расплавились в огне.
Отцу сказал: "Почто Меня оставил?"
А Матери: "О, не рыдай Мене..."

2

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.

Эпилог

1

Узнала я, как опадают лица,
Как из-под век выглядывает страх,
Как клинописи жесткие страницы
Страдание выводит на щеках,
Как локоны из пепельных и черных
Серебряными делаются вдруг,
Улыбка вянет на губах покорных,
И в сухоньком смешке дрожит испуг.
И я молюсь не о себе одной,
А обо всех, кто там стоял со мною,
И в лютый холод, и в июльский зной,
Под красною ослепшею стеною.

2

Опять поминальный приблизился час.
Я вижу, я слышу, я чувствую вас:
И ту, что едва до окна довели,
И ту, что родимой не топчет земли,
И ту, что красивой тряхнув головой,
Сказала: "Сюда прихожу, как домой".
Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список, и негде узнать.
Для них соткала я широкий покров
Из бедных, у них же подслушанных слов.
О них вспоминаю всегда и везде,
О них не забуду и в новой беде,
И если зажмут мой измученный рот,
Которым кричит стомильонный народ,
Пусть так же оне поминают меня
В канун моего погребального дня.

А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,
Согласье на это даю торжество,
Но только с условием - не ставить его
Ни около моря, где я родилась
(Последняя с морем разорвана связь),
Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,
А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов.
Затем, что и в смерти блаженной боюсь
Забыть громыхание черных марусь,
Забыть, как постылая хлопала дверь
И была старуха, как раненый зверь.
И пусть с неподвижных и бронзовых век
Как слезы струится подтаявший снег,
И голубь тюремный пусть гулит вдали,
И тихо идут по Неве корабли.
Март 1940
Фонтанный Дом

История создания

О том, как возник замысел «Реквиема», Анна Андреевна Ахматова сочла необходимым сообщить читателю перед началом поэмы - вместо предисловия: «В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то «опознал» меня. Тогда стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда в жизни не слыхала моего имени, очнувшись от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):

- А это вы можете описать? И я сказала:

- Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом».

Итак, в основу поэмы легли факты личной биографии: 22 октября 1935 года сын Анны Ахматовой и Николая Гумилева Лев Николаевич Гумилев был арестован. Студент исторического факультета ЛГУ был брошен в тюрьму как «участник антисоветской террористической группы». В этот раз Ахматовой удалось вырвать сына из тюрьмы довольно быстро: уже в ноябре он был освобожден из-под стражи. Для этого ей пришлось обратиться с письмом к Сталину.

Во второй раз Л. Н. Гумилев был арестован в марте 1938 года и приговорен к десяти годам лагерей, позднее срок сократили до 5 лет (в 1949 году Льва арестовывают в третий раз, приговаривают к расстрелу, который заменяют потом ссылкой).

Вина Л. Н. Гумилева ни разу не была доказана. В 1956 и 1975 годах его полностью реабилитировали (по обвинениям 1938 и 1949 годов), было наконец «установлено, что Л. Н. Гумилев был осужден необоснованно» (Из сообщения Главной военной прокуратуры).

Аресты 1935 и 1938 годов Анна Андреевна рассматривала как месть властей за то, что Лев был сыном Н. С. Гумилева.

Арест 1949 года, по мнению А. Ахматовой, был следствием печально известного постановления ЦК 1946 г., теперь сын сидел в лагере из-за нее.

Пережитое Анной Андреевной в эти годы нашло отражение не только в «Реквиеме», но и в «Поэме без героя», и в цикле «Черепки», и в ряде лирических стихотворений разных лет:

Мне, лишенной огня и воды,

Разлученной с единственным сыном...

Вот и dospорился яростный спорщик

До енисейских равнин,

Вам он бродяга, шуан, заговорщик,

Мне он - единственный сын...

(Черепки)

Однако было бы неверным сводить содержание поэмы «Реквием» только к семейной трагедии. «Реквием» - это воплощение народного горя, народной трагедии, это крик «стомильонного народа», которому выпало жить в то время.

Анна Ахматова чувствовала себя в неоплатном долгу перед теми, с кем стояла в тюремных очередях, с кем «вместе бедовала» и «в ногах валялась у кровавой куклы палача».

Поначалу «Реквием» был задуман как лирический цикл и лишь позднее был переименован в поэму. Первые наброски относятся к 1934 году, наиболее интенсивно Анна Ахматова работала над поэмой в 1938-1940 годах. Но тема не отпускала ее, и в 60-е годы Ахматова продолжала вносить отдельные строфы в поэму.

При жизни А. А. Ахматовой в нашей стране «Реквием» напечатан не был, хотя в 60-х годах был широко распространен среди читателей в «самиздатовских» списках. В 40-50-х годах рукописи «Реквиема» Анна Андреевна сжигала после того, как прочитывала стихи людям, которым доверяла. Поэма существовала только в памяти самых близких, доверенных лиц, заучивавших строфы из нее наизусть. Л. К. Чуковская, автор «Записок об Анне Ахматовой», приводит такие свидетельства из своих дневников тех лет: «Длинный разговор о Пушкине: о Реквиеме в «Моцарте и Сальери». В сносках же Чуковская сообщает: «Пушкин ни при чем, это шифр. В действительности А. А. показала мне в тот день свой, на минуту записанный, «Реквием», чтобы проверить, все ли я запомнила наизусть» . (31 января 1940 г.) «А. А. записала - дала мне прочесть - сожгла над пепельницей «Уже

безумие крылом» - стихотворение о тюремном свидании с сыном» (6 мая 1940 г.).

В 1963 году один из списков поэмы попал за границу... там впервые «Реквием» опубликовали полностью (мюнхенское издание 1963 г.).

Восприятие писателей русского зарубежья передает очерк известного прозаика Б. К. Зайцева, напечатанный в газете «Русская мысль»: «На днях получил из Мюнхена книжечку стихотворений, 23 страницы, называется «Реквием»... Эти стихи Ахматовой - поэма, естественно. (Все стихотворения связаны друг с другом. Впечатление одной цельной вещи.) Дошло это сюда из России, печатается «без ведома и согласия автора» - заявлено на 4-й странице, перед портретом. Издано «Товариществом Зарубежных Писателей» (списки же «рукотворные» ходят, наверное, как и Пастернака писания, по России как угодно)...

Можно ль было предположить тогда, что хрупкая эта и тоненькая женщина издаст такой вопль - женский, материнский, вопль не только о себе, но и обо всех страждущих - женах, матерях, невестах, вообще обо всех распинаемых?

Откуда взялась мужская сила стиха, простота его, гром слов будто и обычных, но гудящих колокольным похоронным звоном, разящих человеческое сердце и вызывающих восхищение художническое? Воистину «томов премногих тяжелей». Написано двадцать лет назад. Останется навсегда безмолвный приговор зверству». (Париж, 1964 г.)

Поразительно точно определено Борисом Зайцевым «величие этих 23 страничек», окончательно утвердивших за Ахматовой звание истинно народного поэта.

О народности «Реквиема» говорили ей и те немногие из ее современников, которым посчастливилось слышать его в исполнении автора. А. А. Ахматова чрезвычайно дорожила этим мнением, в ее дневниках есть такая запись: «13

декабря 1962 (Ордынка). Давала читать «Requiem». Реакция почти у всех одна и та же. Я таких слов о своих стихах никогда не слыхала. («Народные».) И говорят самые разные люди». Эпиграф, взятый из стихотворения 1961 года:

«Я была тогда с моим народом

Там, где мой народ, к несчастью, был», - как нельзя лучше объясняет и замысел поэмы, и ее основную мысль.

В России «Реквием» полностью был опубликован лишь в 1987 году в журналах «Октябрь» N 3, «Нева» N 6. К столетнему юбилею со дня рождения А. А. Ахматовой вышло сразу несколько изданий ее сочинений, включавших поэму «Реквием».

Художественный анализ поэмы Ахматовой «Реквием»

Поэт Ахматова прожила долгую и трудную жизнь вместе со своим народом, ее судьба даже для нашего жестокого века особенно трагична. В 1921 году был расстрелян ее муж, поэт Николай Гумилев. Ее сыну Льву по ложному обвинению был вынесен смертный приговор, замененный потом лагерями. Это к сыну на свиданье или с передачей стояла Анна Андреевна в длинных «тюремных очередях». Почти двадцать лет провел Лев Николаевич в сталинских лагерях.

Эта женщина больна,

Эта женщина одна.

Муж в могиле, сын в тюрьме,

Помолитесь обо мне.

Поэма «Реквием» — выражение беспредельного народного горя. Страдания народа и лирической героини сливаются. Жестокие репрессии коснулись почти каждой семьи в стране. Тюрьма стала символом того времени.

Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском болтался
Возле тюрем своих Ленинград.

Сопереживание человеческому горю, гнев и тоска охватывают при чтении поэмы. Поэма написана ясным простым языком с использованием большого арсенала художественных средств. Интересно, что Ахматова практически не пользуется гиперболой. Видимо, это потому, что горе и страдания настолько велики, что преувеличивать их нет ни нужды, ни возможности. Эпитеты вызывают ужас и отвращение перед насилием: «Тоска смертельная», шаги солдат — «тяжелы», «Русь безвинная», «черные маруси» — арестантские машины, иначе их называли «черный ворон». Часто употребляется эпитет «каменный»: «каменное слово», «окаменелое страдание», «душа окаменела». Многие эпитеты близки к народным: привет «прощальный», око «ястребиное». Вообще же народные мотивы очень сильны в поэме, где связь лирической героини со своими современниками особая:

И я молюсь не о себе одной,
А обо всех, кто там стоял за мною
И в лютый холод, и в июльский зной
Под красною ослепшею стеною.
(Символ красного слепого и яростного террора.)

Страдания всех матерей выражены через образ матери Христа, молча переносящей горе. Некоторые стихи поражают своей простотой и одновременно силой производимого впечатления:

Приговор... и сразу слезы хлынут,
Ото всех уже отделены,
Словно с болью жизнь из сердца вынут...

Много в поэме метафор. «Перед этим горем гнутся горы», «короткую песню разлуки паровозные пели гудки», «звезды смерти стояли над нами», «безвинная корчилась Русь». В поэме использовано много и других художественных средств: аллегорий, символов, олицетворений. Удивительны комбинации и сочетания их. Все вместе это создает мощную симфонию чувств и переживаний.

Анне Андреевне Ахматовой пришлось многое пережить. Страшные годы, изменившие всю страну, не могли не отразиться и на ее судьбе. Поэма “Реквием” явилась свидетельством всего, с чем пришлось столкнуться поэтессе. Внутренний мир поэта настолько удивителен и тонок, что абсолютно все переживания в той или иной степени оказывают на него свое влияние. Настоящий поэт не может оставить без внимания ни одной детали или явления окружающей жизни. Все находит свое отражение в стихах: и хорошее, и трагическое.

Поэма “Реквием” заставляет читателя еще раз задуматься о судьбе гениальной поэтессы, которой пришлось столкнуться с ужасающей катастрофой. Эпиграфом к поэме стали строки, являющиеся, в сущности, признанием в сопричастности ко всем бедствиям родной страны. Ахматова честно признается, что вся ее жизнь была тесно связана с судьбой родной страны, даже в самые страшные периоды:

Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.

Эти строки написаны уже намного позже, чем сама поэма. Они датированы 1961 г. Уже ретроспективно, вспоминая события прошедших лет, Анна Андреевна заново осознает те явления, которые провели черту в жизни

многих людей, отделяя нормальную, счастливую жизнь и страшную, бесчеловечную действительность. Поэма “Реквием” достаточно коротка, но сколь сильное действие она оказывает на читателя! Это произведение невозможно читать равнодушно, горе и боль человека, с которым произошли страшные события, заставляют точно представить себе весь трагизм ситуации. В нескольких строчках, названных “Вместо предисловия”, Анна Андреевна рассказывает о том, что предшествовало написанию поэмы.

Бесконечные тюремные очереди, в которых стояли родственники и близкие люди заключенных, стали своеобразным символом того времени. Тюрьма вошла в жизнь самых достойнейших людей, сделала невозможным даже самую надежду на счастье. Поэма “Реквием” состоит из нескольких частей. Каждая часть несет свою эмоционально-смысловую нагрузку.

Например, “Посвящение” — это описание чувств и переживаний людей, которые все свое время проводят в тюремных очередях. Поэтесса говорит о “смертельной тоске”, о безысходности, об отсутствии даже малейшей надежды на изменение сложившейся ситуации. Вся жизнь людей теперь зависела от приговора, который будет вынесен близкому человеку. Этот приговор навсегда отделяет семью осужденного от нормальных людей. Ахматова находит удивительные образные средства, чтобы передать состояние свое и других:

Для кого-то веет ветер свежий,
Для кого-то нежится закат
Мы не знаем, мы повсюду те же,
Слышим лишь ключей постылых скрежет
Да шаги тяжелые солдат.

“Ветер свежий”, “закат” — все это выступает своеобразным олицетворением счастья, свободы, которые отныне недоступны томящимся в тюремных

очередях и тем, кто находится за решеткой:

Приговор...

И сразу слезы хлынут,

Ото всех уже отделена,

Словно с болью жизнь из сердца вынут,

Словно грубо навзничь опрокинут,

Но идет... Шатается... Одна.

Анне Ахматовой пришлось пережить арест и расстрел мужа, арест сына. Как прискорбно, что талантливейшему человеку пришлось столкнуться со всеми тяготами чудовищного тоталитарного режима Великая страна Россия допустила над собой такое издевательство, почему? Все строчки произведения Ахматовой содержат в себе этот вопрос. И при чтении поэмы читателю становится все тяжелее и тяжелее при мысли о трагических судьбах невинных людей.

Невозможно даже представить себе всю трагедию человека, с которым случились столь страшные испытания. Казалось бы, всему есть предел. И именно поэтому нужно “убить” свою память, чтобы она не мешала, не давила тяжелым камнем на грудь: У меня сегодня много дела: Надо память до конца убить, Надо, чтоб душа окаменела, Надо снова научиться жить. Все пережитое Ахматовой отнимает у нее самое естественное человеческое желание — желание жить. Теперь уже утрачен тот смысл, который поддерживает человека в самые тяжелые периоды жизни. И поэтому поэтесса обращается к смерти, зовет ее, надеется на ее скорый приход.

Смерть предстает как освобождение от страданий. Однако смерть не приходит, зато приходит безумие. Человек не может выдержать того, что выпало на его долю. А безумие оказывается спасением, теперь уже можно не думать о реальной действительности, столь жестокой и бесчеловечной: Уже

безумие крылом Души накрыло половину, И поит огненным вином, И манит в черную долину. Финальные строки поэмы символизирует прощание с реальным миром. Поэтесса понимает, что безумие отнимет у нее все, что было так дорого доселе. Но именно это в данной ситуации оказывается лучшим выходом, символизирует собой спасение, освобождение от всего, что так мучит и тяготит.